

НИКОНОВЕДЕНИЕ:
библиография, историография и историософия

© Шмидт В.В.

продолжение часть 6

1870 – 1879 годы

В «Православном собеседнике» за 1870 г., ч. I–III, архим. Никанор публикует «Вопросы о перстосложении для крестнаго знамения и благословения по некоторым новоизследованным источникам» и «Описание иконописных перстосложений для крестнаго знамения и благословения, изображенных в Псалтыри – рукописи XVI в.», «Цареградская церковь святой Софии – свидетельница древле-православнаго перстосложения».

В 1871 г. в августовском «Православном обозрении» опубликована статья Г. Карнова «Киевская митрополия и Московское правительство во время соединения Малороссии с Великой Россией». В Лондоне с 1871 г. начато издание фундаментального исследования профессора Оксфордского университета В. Пальмера «Патриарх и Царь: В 6 т.» (*Palmer W. The Patriarch and the Tsar. V. 1–6; History of the Condemnation of the Patriarch Nikon by a Plenary Council of the Orthodox Catholic Eastern Church, held at Moscow A.D. 1666–1667. Written by Paisius Ligarides of Scio. L., 1871–1876*).

В этот период англиканское общество, возбужденное интересом к Русской Церкви (см.: Письма Хомякова к Пальмеру. С предисловием и примечаниями свящ. А.М. Иванцова-Платонова // Православное обозрение. 1869. Т. I. № 3, 4. С. 372–423, 491–537; № 9, 11, 12. С. 241–278, 512–522, 667–672; *Stanly A. Palmers dissertations on subjects relating to the Orthodox or Eastern Communion. L., 1853*), раньше отечественных исследователей обратилось к наследию Святейшего Патриарха Никона и основательно его изучало. В отличие от наших доморожденных историков и богословов, В. Пальмер в своем непревзойденном шеститомном труде (в нем были представлены: Патриарха Никона «Возражения на вопросы боярина Стрешнева и ответы Паисия Лигарида»; Павла Алеппского «Путешествие Антиохийского Патриарха Макария» [без глав, не касающихся России]; Паисия Лигарида «История бывшего в Москве Собора на Патриарха Никона»; выписки из сочинений: И. Шушерина «Известие о рождении и житии Патриарха Никона», священника Михайловского «Жизнь святейшего Никона, Патриарха Всероссийского», С.М. Соловьева «История России...», Т. XI, Н.И.

Субботина «Дело Патриарха Никона» и труды других исследователей; материалы о Патриархе Никоне из Собрания Государственных грамот и договоров, из Актов археографической экспедиции и Комиссии, опубликованных в Записках Отделения русской и славянской археологии, и т.д.) убедительно спрогнозировал грядущие социальные катастрофы в России.

Наша отечественная мысль отреагировала скудно, поместив в «Православном собеседнике» за 1860 г. в ч. II (с. 339–361) и ч. III (с. 71–96) выдержки лишь из ранних исследований В. Пальмера под заголовком «Судьбы русскаго (славянскаго) царства (из диссертации В. Пальмера, с. 46–73)»; кроме исследований, был опубликован и его отчет о путешествии в Россию: *Notes of a visit to the Russian Church in the years 1840, 1841. L., 1842.*

Вот краткие редакторские примечания – прелюбопытнейшие комментарии из «Православного собеседника»: «... автор рассуждает, со своей точки зрения, по преимуществу о судьбах царствований наших Царей Иоанна IV и Алексея Михайловича. Суждения его не свободны от шаткости; но при всем том предлагаемая статья не будет, конечно, лишена своего значения, как выражение религиозного взгляда на наши отечественные события, проникнутого полным уважением и сочувствием к Православию, как независимый и вполне свободный взгляд иностранца, и даже в своем роде поучительный суд иноверца, заинтересованного судьбами нашей истории и нашей веры».

Далее, на слова Пальмера «... падение Никона – эта та точка и тот перелом, около которых должно было обращаться дальнейшее и религиозное, и политическое развитие многих поколений», – редакция заявляет: «Крайнее преувеличение, которое еще более становится очевидным из последующих суждений автора». Снова цитируется Пальмер: «Какие же, спросят, последствия должны быть приписаны падению Никона? <...> каковы бы были вероятные или необходимые последствия, если бы Алексей действовал иначе, если бы он твердо поддержал Никона и дал ему возможность восторжествовать над врагами? <...>

Пришедши, должным образом приготовленный, в силу, он не нашел бы враждебной просвещению иерархии, которая сделалась уже орудием бояр; не нашел бы дворянства, неспособного ни оценить великое и полезное в его предначертаниях, ни удержать его силой законного влияния от дел ненародных и преждевременных; не нашел бы людей, которые, поправ Церковь ногами своими, заслуживали сами быть поправными в свою очередь ногами других и потерять тот политический вес, какой имели прежде, и т.д. Вот дела, которые, человечески говоря, не случились бы, и не могли бы случиться, если бы Никон был поддержан в силе. Каковы бы ни были последующие судьбы России, они не могли бы быть такими». Этот пальмеровский вывод редакция оценивает так: «Автор, распространяясь в своих выводах, слишком много берет на себя, когда хочет предопределить возможные последствия даже не случившихся событий. Притом сколько бы ни был прав или виновен Никон в своих действиях и в своей частной судьбе, ясно, что вся его история есть частная история его личной жизни, не имеющая большого даже церковного значения, а тем менее имеет она государственного значения». Думается, комментарий по этому поводу не нужен...

Европейская наука на базе исследования Пальмера уже в первой четверти XX в. дала миру не менее серьезное исследование профессора церковного права Варшавского

университета М.В. Зызыкина: Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931–1939.

В Санкт-Петербурге в 1872 г. *К. Никольский* опубликовал уникальное исследование «Об антиминсах Православной Русской Церкви: С приложением 11 рисунков писанного антиминса с 1149 по 1668 г. и 14 рис. печатного антиминса с 1627 по 1797 г.», а в Москве *И.В. Забелин* выпускает второе издание «Домашнего быта русских цариц в XVI и XVII столетиях», где на с. 112–114 рассуждает об эпохе Патриарха Никона:

«Необходимо заметить, что в это самое время в русском обществе, в его мыслящей или сколько-нибудь знающей, начитанной среде, совершался великий и нравственный, и социальный поворот от старого Домостроя к новине Петровской, от Востока к Западу. Имя этому повороту было *Никон*; потому что Никон Патриарх смелой рукой формально коснулся наиболее заветного начала жизни, именно ее невежественного застоя. И прежде его думали и говорили то же, как он потом стал делать; но он первый и не он один желал сдвинуться с места. Первым был в этом случае сам Государь. Но на Никона все должно было обрушиться по той причине, что его почин касался области, в которой застой невежества был очевиднее и осязательнее, и притом всегда освящался авторитетом святых, а потому давал широкие средства отстаивать его против малейшего движения умной новины, давал, кому это было нужно, широкие средства авторитетом Веры спутать и замешать понятия общества. И вот имя Никона явилось знаменем времени, стало ежеминутно повторяться в домашних беседах, во всяких сборищах, в тишине домашней клетки и на шумных стогнах града. В народе поднялось великое и многое *размышление* и соблазн, а в иных местах и расколы. Судили и рядили о том, где правда? Говорили: “вот поют вместо Благословен грядый – обретохом веру истинную. И то их нововводное пение на великое поношение и укоризну российскому государству и православной нашей вере. Будто они, никонианцы, обрели нам истинную веру, а до сей поры мы и отцы наши и те святые русские чудотворцы, от Владимирова крещения лет 700 будучи, будто истинные веры до них не знали на земли?... Да они же имя Сыну Божию переменили, печатают по-новому с приложением излишней буквы Иисус; и тем учинили великий раскол и смуту, и от иных государств вечный понос и укоризну. Будто мы и отцы наши от Владимирова крещения, толико лет будучи, имени Сыну Божию не знали.... Ведь, если и в царском имени кто сделает перемену (описку), так того казнят – как же дерзнут нарушить имя Сына Божия*.” <...>

К сему же и звоны церковные переменили, звонят к церковному пению дрянью, аки на пожар гонят или всполох бьют; и тем велие поругание и православным соблазн и

---

* Известно, что знаменитый Григорий Котошихин в 1610 г. был бит батогами за то, что, в донесении наших послов Государю о переговорах со Шведами, вместо слов «Великаго Государя» написал только Великаго, а *Государя* по ошибке пропустил. – См.: *Соловьев*. История России с древнейших времен. Т. XI. Пр. 22.

возмущение; и в уставах того, чтоб дрянным обычаем по пожарному звонити, нигде не указано. <...>

Иноки ходят в церковь Божию и по торгам без мантии, безобразно и безчинно, как иноземцы или кабацкие пропойцы; и тем своим безчином иночеству конечное творят поругание, какого и в мирских отнюдь не бывает; потому что, если и мирянин кто, от благоговейных и честных, так будет творить, что без верхняго одеяния, в фрезях и в полукафтане, в церковь Божию или посреди торжища дерзнет войти, – не все ли зрящие посмеются ему и пьяницу суща или ума изступивша почтут быти. Если срам есть и безчестие мирским так творит, кольми паче иноком... а они и прочее одеяние иноческое все переменили и возлюбили иных земель платья и обычаи их и нравы. Вместо рясок носят иноземные широкие кафтаны, а вместо скуфей иноческих носят черные колпаки... Также и вместо клобуков возлагают на главы свои странно некое их инообразное подобие, соблазна ради и душевныя пагубы: нельзя очи иметь нимало непокровенными, паче же юным и безбрачным, до конца соблазнительно и стыдно. А прежде в русской земле этого не бывало и странных этих иноземских обычаев вводить не смели. <...>

Попущением Божиим умножися в нашей Русской земле иконнаго письма неподобнаго... Пишут Спасов образ Еммануила – лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, персты надутые, также и у ног бедра толстыя и весь – яко немчин, брюхат и толст учинен; лишь сабито при бедре не писано... А все то Никон-враг умыслил *будто живыя писать*. А устроит все по фряжскому, сиричь по немецкому... Ох! Ох! бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступок и обычаев? А Миколу чудотворцу имя немецкое – Николай! В немцах немчин был Николай, а во святых нет нигде Николая. <...>

Далее: перстосложение, аллилуйя и очень многое, тому подобное – все это и подверглось великому народному размышлению и рассуждению, особенно между духовными отцами и их детьми. Не смотря на разнообразие предметов размышления – все дело сводилось к одному концу: стоять ли за старое или идти за новым? В обществе произошло разделение, главной причиной которого было крайнее невежество этого самого общества, воспитанного в самой тесной опеке, в среде безчисленных запрещений, отречений и анафем; у которого отнята была наука, закреплена мысль, которое, поэтому, не имело способов само повторять действия своих руководителей и учителей и по необходимости шло за ними, как бы на привязи. Совершенно понятно, что в таком обществе всякое наглое, самоуверенное слово, а тем более всякий фанатизм, даже фанатизм юродивого, должен был почитаться за возглашение самой истины.

Фанатизм всегда является неизбежным плодом умственной тесноты и умственной ограниченности. И в самом деле, очень трудно было в это время русскому человеку узнать, на какой стороне правда.

В самом дворце умы колебались и многие втайне стояли, разумеется, за старое, за уставы Домостроя и помогали всеми дворцовыми путями и средствами своим единомышленникам. Там старое могло приобрести еще большую силу от того, что многие, особенно близкие к Царице, находили в старых порядках точку опоры для борьбы с новыми людьми, которые нередко переступали старым дорожку.

Само собой разумеется, что старый устав жизни, его буква, обряд, нигде не должен был иметь такой силы, как именно на женской половине дворца, которая долго и после реформы сохраняла привязанность к старым порядкам быта».

Далее, на с. 152–158, Забелин обращает внимание на революционность идей в духе того времени – «государственной смуте», – которая выдвигалась теперь вперед именно в царском дворце – в девичьем тереме, поскольку оказался связанным с проблемой престолонаследования; и все же эта «государственная смута» все равно опиралась исключительно на византийский опыт, традиции и сложившиеся у царедвоцев представления о том: «... Время Софьи на самом деле было византийским временем в нашей истории. К концу XVII ст. Московский Двор на самом деле представил зрелище Двора Византийского, а Москва уподобилась Константинополю, в века его общественных и политических смут. Тогда и в Москве в богатых хоромах и в бедных избах, на улицах и площадях, по всем стогнам града раздавались горячие толки и споры, суждения и рассуждения о том, как веровать, как спасти себя; толковали и спорили о правой вере, о старом благочестии и о новом нечестии; о том, как складывать персты, сколько раз говорить аллилуйя, сколько просфор употреблять в служении, сколько концов должно иметь изображение креста, как писать имя Иисус, каковы должны быть архиерейские клобуки и жезлы, как должно звонить на колокольнях и т.п. Доходили и до превыспренних вопросов: начали даже Св. Троицу четверить, отделяя особый престол, четвертый, для Спасителя. И точно также, как в Византии, повсюду слышались ярые анафемы друг другу. „Что се Господи будет! – восклицали иные в недоумении. Там, на Москве, клятвы все власти полагают на меня за старую веру... И здесь, у нас, между собою стали клятвы, и свои други меня проклинают за несогласие с ними в вере же» (*Дьякон Федор. Письмо против Аввакума*).

Современник этой эпохи Симеон Полоцкий говорит между прочим: «не тако ли у нас ныне дается: ныне разглагольствуют о богословии мужие, разглагольствуют и отроки, беседуют в лесах дивии человецы, препираются на торжищах скотопродатели, да не скажу в корчемницах пьяные. Напоследок и буия женьшца (женщины) словопрение деют безумное, мужем своим и Церкви пререкающе»¹...

В царском дворце копошились подземные, тайные козни, интриги, поднимались мгновенно и мгновенно падали и погибали люди; неистовствовали стрельцы в самых внутренних комнатах дворца, совершая убийства у самого его крыльца; неистовствовали ревнители старого благочестия в самой Грановитой полате, ведя с Патриархом торжественный публичный спор о вере в присутствии Царицы и царевен.... Словом сказать, в это время византийская идея торжествовала в Москве со всех сторон и во всех видах.

К довершению изумительного подобия с Византией и в Москве в образе Царя является постница-девица, и тут же с ней является целый ряд дел и событий с полнейшим отпечатком своих византийских первообразов*. Византийская культура

---

¹ *Симеон Полоцкий. Вечера душевная. Приб. Л. 5–7*

* *В.Ш.:* У царского трона, к источнику одной нераздельной семейной любви, сошлись два чуждых друг другу рода – Милославских, составлявших старшее племя, и Нарышкиных – младшее племя, собирая в это время обоюдную вражду и ненависть.

понятий и здесь вырастила свой плод – царевну Софью, которая по идеалу византийских женщин смелой рукой взялась делать царское дело. ...

С большой вероятностью возможно полагать, что терем часто рассуждал о том, как жила и что дельвали когда-то в Цареграде тамошние цари и царицы. Подражание Цареграду обнаруживалось во многом. Отец царевен Алексей Михайлович даже в украшении своего дворца прямо брал за образец дворец Цареградский – у него также, как у тамошних царей, по сторонам трона лежали рыкающие львы². Все это было, конечно, вычитано в *царственных* исторических книгах. Немудрено, что подражая формам быта, подражали и византийским поступкам, тем более, что вея культура знания или образованности шла оттуда же, вся выработка мысли и даже воображения была построена по византийским началам. К этому приводила вся наша старая книжность, чтение и учение.

Византийская литература и история воспитывала умы, оправдывая или обличая поступки и подвиги своими примерами, направляя жизнь к своим идеалам. В затруднительных обстоятельствах справлялись с ней, как с мудрой советницей. Таким образом, умы терема были по необходимости исполнены византийских понятий и идеалов. При жизни отца в тереме, конечно, господствовали одни только постнические идеалы. Те же идеалы остались бы господствующими и при жизни брата, т.е. до конца, если бы этот брат – Царь Федор обладал прочным здоровьем; был бы прочен на царстве. Но именно болезненное и безнадежное состояние его здоровья и было причиной, что идеалы терема устремились к другим целям. Болезнь Царя подавала не малый повод и не одним царевнам размышлять о том, что будет с Царством или, вернее, что будет с людьми, приближенными к царскому родству Милославских. Болезнью Федора почва Милославских колебалась. Единым прибежищем оставался цветущий здоровьем и возрастом терем. Можно с большой основательностью думать, что в виду таких обстоятельств еще при жизни Федора по терему стала ходить византийская мысль о возможности при слабом и неспособном брате править государством способной сестре. Мысль очень смелая для русской жизни, но она твердо опиралась на авторитет той же истории, которая укрепила в этой русской жизни и сам идеал терема.. При этом знакомая история указывала превосходный образ для подражания как нельзя лучше подходивший ко всем обстоятельствам дела, сохранявший в своих чертах все то, чего требовали и ум, и нрав, и все благочестие века. Таков именно был образ византийской царевны Пульхерии»...

В 1873 г. Были опубликованы «Деяния Московского Собора, бывшего в царских палатах в лето от создания мира 7162, от воплощения же Божия Слова 1654»; журнал «Русский архив» опубликовал работу А. Л-ь. «Переписка Святейшего Патриарха Никона с митрополитом Иконийским Афанасием и грамотоносцем Иерусалимского Патриарха Нектария Севастьяном или Саввою Дмитриевым» и «Переписку Святейшего Патриарха Никона с

---

² Забелин И. Домашний быт русских царей. Т. I. Гл II.

митрополитом Иконийским Афанасием и грамотоносцем Иерусалимского Патриарха Нектария Севастьяном или Саввою Дмитриевым»³.

В 1874 г. вышел т. I «Собрания узаконений Российского государства»⁴; в 1-й кн. ЧОИДР опубликовано «Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии» (еще одна публикация – в 4-м отделе кн. IV ЧОИДР – «Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга и Горация Кальвуччи, послов императора Леопольда, к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 г.»).

В 1875 г. в т. I «Материалов для истории раскола за первое время его существования» представлен «Перечень раскольников, судившихся на соборе 1666 г., с кратким изложением дела каждого» – так началась систематическая научно-просветительская работа по противодействию расколу старообрядчества проф. МДА Н.И. Субботина, который до 1895 г. выпустит 9

---

³ На эту переписку, как и многие др. грамоты Патриарха Никона обратит внимание современный исследователь филолог *С.К. Севастьянова*, подготовив их комментированное издание: Эпистолярное наследие Патриарха Никона: Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007.

⁴ Опубликованы следующие материалы: с. 281, 282 – пожалование Патриарху Никону учуга Комызяк, с. 289 – о присутствии Никона на Земском соборе, с. 298 – о совете с Патриархом Никоном Государя о войне с Польшей, с. 303 – благословения и молитвы Святейшего по случаю войны с Польшей, с. 326 – упоминается, что при Никоне была положена на хранение уставная грамота, с. 327–332 – жалованная грамота о постройке Иверского монастыря, с. 361 – челобитье Патриарха о приписке Федоровского монастыря к Иверскому, с. 362 – указ Никона о рассылке грамот о раскаянии разбойников и воров, с. 363, 386, 405 – упоминается о его молитвах, с. 376 – о его посланце на гору Афон, с. 383 – о приведении к присяге митрополита Сучавского Гедеона, с. 387–395 – грамота о предосторожностях от морового поветрия, с. 390 – упоминается о поездке Никона за Царицей и Царевичем, с. 428 – о сборе ратных людей с патриарших вотчин, с. 430 – просьба Никона о пожаловании Крестному монастырю Кий-острова, с. 431 – челобитная вдовы Марфицы к Патриарху, с. 433, 434 – взятие патриарших вотчин на Государя взамен данных, с. 439 – о сыске беглых в патриарших вотчинах, с. 442 – прошение о даче Крестному монастырю рыбных ловель, с. 591 – самовольные поступки Патриарха, с. 637 – низложение Никона с Патриаршества, с. 639, 641, 642 – суд над Патриархом, с. 642 – изложение его поступков, с. 644 – приговор над ним, с. 656 – упоминается о его низложении, с. 688 – обвинение Никона на Московском соборе, с. 697 – соборное рассмотрение жалоб на Никона, с. 699 – соборное осуждение за неправильное распоряжение церковными имуществами, с. 738 – о самовольной постройке Патриархом монастырей, с. 1008 – патриаршее свидетельство духовной боярина Морозова.

томов «Материалов...» [в 1914 г. *В.С. Марков* издаст «К истории раскола старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.)»]; во части II журнала «Православный собеседник» помещена статья «Русский раскол с точки зрения иностранца (*Le raskol et les sects n Russie. Leroy–Beaulieu. Revue des deux Mondes 1 novembre 1874, 1 mai et juin 1875*)»; в № 6 за 1875 г. «Вятского епархиального вестника» – работа *протоиерея Стефана Каишменского* «Жизнь Патриарха Никона», а ЖМНП – статья *А.Г. Брикнера* «Расходная книга Никона как источник для истории хозяйства в России». В этом же году в Киеве вышла книга «Молитвенное призывание преподобных отцов Ближних пещер», где среди поминаемых святых записано имя Святейшего Патриарха Никон (с. 19).

В 1876 г. журнал «Православный собеседник» (ч. III) опубликовал статью *А.И. Гренкова* «Соборы Русской Церкви, бывшие по поводу исправления церковно-богослужебных книг».

В 1878 г. «Русский архив» № 8 помещает статью «Черта к жизнеописанию Патриарха Никона», где публикует грамоты Патриарха архим. Филофею с требованием уведомления о соловье, залетевшем в монастырскую соборную церковь, и соответствующую отписку архимандрита Патриарху.

В 1879 г. Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве МИД издает «Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Божьей Матери, принесенной в Россию в 1648 г.».

Продолжение: <http://www.patriarch-nikon.ru/19/>